

«ДИСКУРС» И «ДИСКУРС ИДЕНТИЧНОСТИ»: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ

В статье описываются два базисных понятия межпарадигмального когнитивно-дискурсивного лингвистического подхода к изучению идентичности: «дискурс» и «дискурс идентичности». Дается обзор исследований дискурса и его определений, обосновывается двуплановость дискурса, предлагается авторское видение термина «дискурс идентичности».

Ключевые слова: дискурс, дискурс идентичности, когнитивно-дискурсивный подход.

Матузкова О.П. «Дискурс» і «дискурс ідентичності»: до визначення понять.
У статті описуються два базисних поняття міжпарадигмального когнітивно-дискурсивного лінгвістичного підходу до вивчення ідентичності: «дискурс» і «дискурс ідентичності». Наводиться огляд досліджень дискурсу та його визначень, обґрунтовується двоплановість дискурсу, пропонується авторське бачення терміна «дискурс ідентичності».

Ключові слова: дискурс, дискурс ідентичності, когнітивно-дискурсивний підхід.

Matuzkova O.P. Towards the definition of discourse and discourse of identity.
Fuelled by political and social struggles as well as cultural and linguistic concerns, "identity" emerged as the central theme of linguocultural, cognitive and discursive studies in the XXI century. The article describes two fundamental notions of interparadigmatic cognitive-discursive linguistic approach to identity research: discourse and discourse of identity. In doing so, it presents a brief history of discourse studies, examines debates in linguistics about discourse and text, summarizes main approaches to discourse definition and understanding, reveals its two-aspect essence and suggests author's understanding of the term "discourse of identity". Identity is viewed as an emotionally charged discursive description of ourselves that is subject to change, so language "makes" rather than "finds" identity. Identities are thus discursive constructions that change their meanings according to time, place and usage. We may understand identity as regulatory discourses to which we are attached through processes of identification or emotional investment. Identity is wholly cultural and cognitive in character and doesn't exist outside its representation in discourses. This theoretical basis enables to build up research methodology of collective identity as a cognitive-discursive result of society reflection, to construct linguocultural hyperconcept ENGLISH IDENTITY as a model for cognitive-discursive description of any ethnic-cultural collective identity and to typify the discourse of English identity in which this hyperconcept is verbalized.

Key words: discourse, discourse of identity, cognitive-discursive approach.

Актуальность изучения идентичности и включение дискурса идентичности в сферу социогуманитарного знания обусловлены изменением социокультурной реальности в постмодернистских обществах второй половины XX века, кризисом экзистенциального подхода к изучению личности, усилением интегративных тенденций в научном познании, его гуманитаризацией и антропоцентризмом.

Доминирование в современной лингвистике когнитивно-дискурсивной и активизация синергетической парадигм диктуют новые исследовательские

підходи к языку и его «текстово-дискурсивным продуктам» [10,10]. Анализ дискурса, знаковым посередником которого является текст, представляется продуктивным методом для исследования идентичности как концептуальной структуры, несущей значимую культурно-ценностную інформацію. Поэтому наиболее перспективным и научнозначимым способом изучения идентичности в современной лингвистике считаем когнитивно-дискурсивный междисциплинарный подход, поскольку он позволяет представить феномен идентичности во всей многомерности его сущности и многообразии проявлений.

Понимание идентичности как дискурсивно конструируемой категории сложилось, как мы уже писали [7; 8], в постструктуралистских теориях и сегодня активно разрабатывается в конструкционистских антиэкзистенциалистских концепциях (главным образом, в культурологии). Предположение о том, что различные проявления идентичности являются не универсальными и устойчивыми сущностями, а «дискурсивными конструкциями» (М. Фуко), «языковыми описаниями» (К. Баркер), созданными в определенном месте и определенном времени, основывается на понимании языка не просто как *зеркала отражения*, но и как *средства создания* окружающего нас мира. С этих позиций антиэкзистенциалистская концепция идентичности как дискурсивной модели определяет идентичность как динамическую систему дискурсивных описаний субъекта (К. Баркер; Д. Келлнер; К. Мерсер и др.).

В современной лингвистике делаются немногочисленные попытки исследовать влияние «дискурсивных практик» на идентичность общности и роль различных типов дискурса в формировании коллективной идентичности. Так, например, в концепции Г. Яворской выдвигается предположение о том, что осознание себя как общности, отличной от других, осуществляется с помощью усвоения определенных дискурсивных способов, а функционирование идентичности сопровождается идентификационными актами с использованием вербальных средств. Идентичность можно изучать в типах дискурса, связанных с жанрами и /или социокультурными характеристиками общности. Соответственно, выделяются художественный, научный, политический, академический и т.п. дискурсы идентичности [11]. Описание идентичности как когнитивно-дискурсивного феномена методологически целесообразно прежде всего базировать на определении самого понятия «дискурс», о чем пойдет речь ниже.

Латинская многозначная лексема *discursus* отличалась значением акциональности своих составляющих: *discursus, m* – 1) беготня туда и сюда, беготня в разные стороны; 2) воен. маневр; 3) набег; 4) движение, круговорот; 5) непрерывное мелькание; 6) бестолковая беготня, суета; 7) барахтанье, метание во все стороны (о пойманной рыбе); 8) *Codex The odosianus*¹ – беседа, разговор [3,335].

Во времена схоластических диспутов всё поле военного состязания (маневры, передвижения) было наложено на поле состязания словесного и эта

¹ Кодекс Феодосия – первое собрание римских законов, датированное 438 годом.

метафоризация окончательно закрепились в «диалогах» первых университетов. Примерно в это же время *discursus* в значении «разговор» появляется в поэзии Э. Спенсера (1552-1599). Однако, ни университетские диспуты на латинском языке, называемые «дискурсом», ни единичное употребление термина «дискурс» Э. Спенсером не закрепили значение надолго.

В сочетаниях «прямая речь» (*le discours direct*), «косвенная речь» (*le discours indirect*), «части речи» (*partie du discours*), термин «дискурс» появляется во французских грамматиках [13]. Вскоре слово «дискурс» стало употребляться во французском языке также в значении церковного слова, проповеди. Именно в этом значении данное слово проникло в английский язык и закрепилось в нем на несколько столетий. Ф. де Соссюр в начале XX века пользовался термином «дискурс», но в русскоязычных переводах оно получило обозначение «речевой поток». Термин и понятие были забыты до появления статьи З. Харриса «Дискурс-анализ» (*Discourse Analysis*, 1952), в которой учёный ввёл понятие дискурс-анализа как метода изучения движения информации в дискурсе. Последний рассматривался как одна из сторон дистрибуции на базе эквивалентности между фразами и цепочками фраз, а также как высказывание, сверхфразовое единство в контексте других единиц и связанной с ними ситуации. Дискурс-анализ соответственно понимался как любой анализ связной речи (устной и письменной), в котором основное внимание обращено не на то, что говорится, а на то, как оно говорится. Современный дискурс-анализ ушел от первых разработок З. Харриса достаточно далеко, но авторство термина и ряда базовых идей общепризнано.

Вскоре термин «дискурс» перешел в социологию и благодаря М. Фуко и его «Археологии знаний» (1969) прочно в ней закрепился. Представители социокультурного направления критического дискурсивного анализа (*critical discourse analysis*) развивают концепцию дискурсивных практик М. Фуко и определяют дискурс как форму социальной практики – он конституирует ситуации, объекты знаний, социальные идентичности и отношения между людьми и группами людей (З. Водак; Т. ван Дейк; Н. Фэркло и др.). После публикации знаменитого труда Ю. Хабермаса «Теория коммуникативного действия» (1981) термин «дискурс» активно входит в широкий общенаучный обиход.

Среди многочисленных научных трактований дискурса можно выделить три наиболее распространённых в конце XX века:

- (по М. Фуко) как общение, характеризуемое в качестве реализации определенных дискурсивных практик (в социологии, социальной семиотике и политологии);
- (по Ю. Хабермасу) как вид речевой коммуникации, предполагающий рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни (в логике, философии, социологии и социальной семиотике);
- как совокупность текстов с учётом их экстралингвистических параметров (в лингвистике) [Об этом подробно см.: 9, 42].

В лингвистике XXI столетия термин «дискурс» располагает почти 300-ми дефинициями и имеет весьма широкий спектр употребления для обо-

значения феноменов разного порядка. Определения дискурса многократно варьируются исходя из его понимания как связной речи (Г. Почепцов); сложного синтаксического целого, текста (В. Борботько); текста в ситуации реального общения, осуществляемого коммуникативными личностями (В. Карасик); коммуникативной ситуации, включающей сознание коммуникантов и создающийся в процессе общения текст (А. Кибрик); сложного коммуникативного явления, включающего наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и восприятие (Т. ван Дейк); вербализованного работающего сознания (О. Ревзина); мыслекоммуникативной деятельности, протекающей в широком социокультурном контексте (Е. Морозова, И. Шевченко) и т.п. Широко известен и афоризм Н. Арутюновой: «Дискурс – это текст, погруженный в жизнь» [1].

Дискурс в лингвистической терминологии наиболее часто, как можно заметить, отождествляется с текстом, высказыванием, устной речью, даже со стилем. С другой стороны, дискурс определяется как самостоятельное явление. Так, помимо категорий текста, по-разному выделяемых рядом авторов (И. Гальперин; З. Тураева; И. Чернухина и др.) и в отличие от них, выделяются тексто-дискурсивные категории – «сверхпарадигмальные свойства множества текстов и их текстом в разных дискурсах» [2, 86].

В целом выделяется узкое и широкое использование термина «дискурс» (В. Борботько; В. Красных; М. Макаров; Н. Миронова и др.). Дискурс в узком понимании является проявлением речевой деятельности в разговорно-бытовой речи и представляет собой обмен репликами без особого речевого замысла (О. Сиротинина). Дискурс в широком понимании трактуется как проявление речедетельностных возможностей отдельной языковой личности (П. Зернецкий), как система коммуникации (В. Сергеев; Ю. Шрейдер).

Итак, множественность определений дискурса и подходов к его изучению в современной лингвистике общеизвестна и даже их краткий обзор может занять не один десяток страниц. Согласно недавно вышедшему «Словарю основных терминов когнитивно-дискурсивной лингвистики» авторитетной украинской исследовательницы А. Мартынюк, трактование дискурса определяется:

- стилем мышления (репрезентативный и деятельностный);
- направлениями исследования (формальным и функциональным в рамках репрезентативного и деятельностным в рамках деятельностного стилей мышления);
- подходами в пределах функционального направления (ситуативным и семиотическим) [Об этом подробнее см.: 6, 11-21].

В нашем исследовании мы опираемся на когнитивный и конструкционистский общегуманитарные подходы к изучению идентичности как динамической системы и базируемся на *деятельностном определении дискурса*. Последнее, в свою очередь, зиждется на интерактивной модели коммуникации и деятельностном понимании языкового знака и активно разрабатывается в трудах известных лингвистов (И. Архипов, А. Залевская, А. Мартынюк, Е. Морозова, И. Шевченко и др)]. Дискурс с позиций деятель-

ностного подхода трактуется как «ситуативно обусловленная intersubъектная речемыслительная деятельность, направленная на взаимную ориентацию в жизненном пространстве на основе придания языковой форме семиотической значимости» [6, 11].

Деятельностное трактование дискурса нам близко ещё и потому, что в нем наиболее четко отражается «двуплановость» дискурса как процесса и результата, на которую справедливо указывает В. Красных: «Дискурс имеет два плана – собственно-лингвистический и лингвокогнитивный» [5, 114]. Лингвокогнитивный план связан с *языковым сознанием*, обуславливает *выбор языковых средств*, влияет на *порождение и восприятие текстов*, проявляясь в *контексте и пресуппозиции (дискурс как процесс)*. Собственно-лингвистический план связан с *языком*, манифестирует себя в *используемых языковых средствах* и проявляется в *совокупности порожденных текстов (дискурс как результат)*. Дискурс, таким образом, есть «вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно-лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [там же, 113].

Дискурс в этом плане представляет собой *открытое* множество текстов разного объема, либо в процессе их формирования, либо в завершённом виде. Их может объединять тема/ направление речевого произведения (тематический дискурс) или порождающая их институция (институциональный дискурс). При определении статуса дискурса в современной лингвистике мы также солидарны с В. Чернявской, В. Кухаренко и другими исследователями, которые отграничивают дискурс как лингвистический феномен от понимания термина в прочих гуманитарных науках и сохраняют основной принцип дискурсивного анализа: использование собственно языкового с внешними коммуникативными факторами: «В случае дискурса возникает не новый и не особый лингвистический объект, а новый ракурс изучения языка. Изменяется не объект описания, а модус описания – это не язык в себе и не язык для себя, а язык в его соотношении с речью» [4, 14]. Сравнительно с анализом текста дискурсивный анализ выигрывает, работая с рядом текстов, множество которых открыто и организовано единым тематическим/институциональным направлением.

Размежевание дискурса и функционального стиля также представляется основополагающим для нашего исследования. Стилисты, занимавшиеся исследованием и описанием функциональных стилей языка (напр., И. Гальперин; М. Кожина; Э. Ризель и др.) представляли конечное число функциональных стилей языка, вертикально прорезавших его тело. Дискурсы, в отличие от стилей – фундаментальных, онтологически заданных форм познания – представляют собой особый модус описания, горизонтально проходящий сквозь языковые стили [12, 86-95]. Поэтому в одном дискурсе могут сосуществовать тексты разных стилей, если он представляет собой одно тематическое пространство – например, экономический дискурс (научный, публицистический, даже художественный стили). Отметим, что дискурс в указанном «горизонтально-проникающем естестве» упоминается и/или разрабатывается и в зарубежной социологии и культуроло-

гии. Так, видный американский социолог, теоретик современной культуры Р. Мерелман (*R. Merelman*) и представители символической антропологии (К. Гирц; М. Дуглас; Э. Дюркгейм; М. Сэлинг; В.Тэрнер и др.) настаивают на трактовке культуры как дискурса, имеющего знаковые эквиваленты системы взаимоотношений, потенциально пронизывающей все слои общества.

Итак, дискурс характеризуется как сложный, неоднозначный феномен, что задает множественность его узких и широких трактований и невозможность единого определения. С точки зрения лингвистики, дискурс является единым целым, в котором одновременно реализуются самые разнообразные аспекты языка (собственно-лингвистический план) и языкового мышления (лингвокогнитивный план).

Дискурс идентичности, как можно предположить, представляет собой особую динамическую систему дискурсивных описаний субъекта (индивида или коллектива), вербализованную речемыслительную деятельность, понимаемую как совокупность процесса и результата. При анализе дискурса идентичности как процесса дискурс предстаёт как вербализуемая (здесь и сейчас) речемыслительная деятельность, при рассмотрении с точки зрения результата – как совокупность текстов, порожденных в процессе коммуникации. Текст как феномен, стоящий в центре коммуникативного акта, тесно связанный с экстралингвистической реальностью (в том числе – с когнитивными явлениями) и поддающийся непосредственному лингвистическому анализу, рассматривается как реализация дискурса идентичности.

Такая двуплановость дискурса идентичности задает основой вектор исследования идентичности как дискурсивно-когнитивного конструкта: от собственно-лингвистического плана, т.е. анализа совокупности текстов, в которых функционируют данные в непосредственном наблюдении языковые средства манифестации идентичности до лингвокогнитивного плана, который представляет последнюю как дискурсивно конструируемый гиперконцепт.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Изд. 2-ое, испр. / Н.Д.Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Габидуллина А.Р. Учебно-педагогический дискурс: Монография / А.Р.Габидуллина. – Горловка: ГПИИЯ, 2009. – 292 с.
3. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-ое, перераб. / И.Х.Дворецкий. – И.: Изд. «Русский язык», 1976. – 1096 с.
4. Золян С.Т. Язык и дискурс: что нового в «новой» дискурсивной парадигме? / С.Т. Золян // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век. – СПб-Ереван: СПбГУЭФ, 2009. – С. 12-22.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / Красных В.В. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
6. Мартинюк А.П. Словник основних термінів когнітивно-дискурсивної лінгвістики. – Харків: Видавництво ХНУ імені В.Н.Каразіна, 2012. – 194с.
7. Матузкова Е.П. Антиэкзистенциалистская концепция идентичности как дискурсивной модели / Е.П. Матузкова // Міжнародна науково-практична інтернет-конференція «ФІЛОЛОГІЯ XXI СТОЛІТТЯ: теорія, практика, перспектива» – Одеса, Національний університет «Одеська юридична академія», 2012.
8. Матузкова Е.П. Идентичность и лингвокультура: методология изучения: монография /

- Е.П.Матузкова. – Одесса: Издательство КП ОГТ, 2014. – 333 с.
9. Миронова Н.Н. Политический дискурс vs. оценочный дискурс /Н.Н.Миронова // Политический дискурс в России. – М., 1997. – С.41-50.
 10. Селиванова Е.А. Модель дискурса в аспекте диалогичности / Селиванова Е.А. // Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2013. – Вып. 2. – С.10-18.
 11. Яворська Г.М. Лінгвістика в дослідженні міждисциплінарних об'єктів (до аналізу колективних ідентичностей) / Г.М. Яворська // Мова. Людина. Світ. До 70-річчя професора М. Кочергана. Збірник наукових статей. – Вид. центр КНЛУ, 2006. – С. 46-59.
 12. Чернявская В.Е. Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? / В.Е. Чернявская // Когниция, коммуникация, дискурс. – Направление «Филология». – Междунар. электрон. сб. науч. трудов. – ХНУ им. В.Н. Каразина, 2011. – С. 86-95.
 13. Manie de francais [Электрон. Ресурс]. – Режим доступа: French-films.my.l.ru / kratkij_spravochnik_po_grammatike/10

References

1. Arutyunova, N.D. (1999). Yazyik i mir cheloveka. (Izd. 2-oe, ispr.) M.: Yazyiki russkoy kulturyi.
2. Gabidullina, A.R. (2009). Uchebno-pedagogicheskiy diskurs: Monografiya. Gorlovka: GPiIYa.
3. Dvoretzkiy, I.H. (1976). Latinsko-russkiy slovar. (Izd. 2-oe, pererab.) – I.: Izd. «Russkiy yazyik».
4. Zolyan, S.T. (2009). Yazyik i diskurs: chto novogo v «novoy» diskursivnoy paradigme? In Yazyik v paradigmatih gumanitarnogo znaniya: XXI vek., 12-22.
5. Krasnyih, V.V. (2003). «Svoy» sredi «chuzhih»: mif ili realnost? M.: ITDGK «Gnozis»
6. Martinyuk, A.P. (2012). Slovník osnovnih terminiv kognitivno-diskursivnoy lingvistiky. Harkiv: Vidavnistvo HNU Imeni V.N.Karazina.
7. Matuzkova, E.P. (2012). Antiekzistentsialistskaya kontsentsiya identichnosti kak diskursivnoy modeli. In Mlzhnarodna naukovopraktichna Internet-konferentsiya "FILOLOGIYA XXI STOLITTYa: teorlya, praktika, perspektiva" Odesa, Natsionalniy unlvrsitet "Odeska yuridichna akademiya".
8. Matuzkova, E.P. (2014). Identichnost i lingvokultura: metodologiya izucheniya: monografiya. Odessa: Izdatelstvo KP OGT.
9. Mironova, N.N. (1997). Politicheskiy diskurs vs. otsenochnyiy diskurs. In Politicheskiy diskurs v Rossii. Moskva.
10. Selivanova, E.A. (2013). Model diskursa v aspekte dialogichnosti. In Novyye paradigmy i novyye resheniya v sovremennoy lingvistike. Kemerovo (Vyip. 2),10-18.
11. Yavorska, G.M. (2006). Lingvistika v doslidzhenni mizhdistsiplinarnih ob'ektlv (do analizu kolektivnih identichnostey). In Mova. Lyudina. Svlt. Do 70-richchya profesora M. Kochergana. Zbirnik naukovih statey. Vid. tsentr KNLU, 46-59.
12. Chernyavskaya, V.E. (2011). Diskurs kak fantomnyiy ob'ekt: ot teksta k diskursu i obratno? In Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs. Napravlenie «Filologiya». Mezhdunar. elektron. sb. nach. trudov. HNU im. V.N. Karazina, 86-95.
13. Manie de francais [Elektron. Resurs]. – Rezhim dostupa: French-films.my.l.ru / kratkij_spravochnik_po_grammatike/10

Стаття надійшла до редакції 12.09.2015 р.